

Гісторыя

У *семдзсят чацвертай* кнізе «Весніка» друкуюцца «Заявление полотскаго архиепископа Антония Селявы о покушении на его жизнь полотских мещан. 1633 г.» (1869, кн. 74, Отд. 1, С. 39 – 42), «Жалоба иезуита на полотских мещан католиков, пожелавших быть православными, и потому неисполняющих латинских обрядов. 1645 г.» (1869, кн. 74, Отд. 1, С. 42—43).

У *семдзсят семай* кнізе «Весніка» друкуецца «Вкладная грамота полоцкого великого князя Онуфрия полоцкому Предтеченскому монастырю на бортныя земли и угодья. 1399 г.» (1869, кн. 77, Отд. 1, С. 30 – 31).

У *восемдзсят чацвертай* кнізе «Весніка» друкуюцца «Жалованная грамота московскаго патриарха Иоакима полоцкому Богоявленскому братскому монастырю с предоставлением непосредственной зависимости от патриаршаго престола и с благословением тамошнему игумену Игнатию Жихмонтову и его преемникам освящать в Белорусском крае православные церкви. 1686 г.» (1869, кн. 84, Отд. 1, С. 40 – 43), «Подтвердительная грамота могилевскаго епископа Серапиона Полховскаго об исключительном праве полоцкому Богоявленскому и витебскому Марковскому монастырям отправлять монахов в Ригу для совершения богослужения и отправления христианских треб. 1699 г.» (1869, кн. 84, Отд. 1, С. 43 – 45), «Благословенная подтвердительная грамота наместника и администратора белорусской епископии Сильвестра Волчанскаго полоцкому Богоявленскому и витебскому Маркову монастырям о предоставлении им права по прежним архипастырским грамотам отправлять монахов своих в Ригу поочередно для совершения богослужений и христианских треб, также для милостиннаго сбора. 1686 июля 8» (1869, кн. 84, Отд. 1, С. 45 – 47).

У *восемдзсят пятай* кнізе «Весніка» друкуецца «Акт празднества церковнаго братства во имя святителя Николая и преподобной Евфросинии, княжны полоцкой, в г. Полоцке по случаю второй годовщины существования братства в 25-е мая 1869 года» (1870, кн. 85, Отд. 1, С. 1 – 11). Прыводзіцца справаздача работы брацтва.

У *дзевяноста шостаі* кнізе «Весніка» перадрукоўваецца артыкул «Из воспоминаний о почившем митрополите Иосифе Семашко», які быў змешчаны ў «Літоўскіх епархіяльных ведамасцях» (1870, кн. 96, Отд. 4, С. 88 – 94). У артыкуле апавядаецца аб наведванні І. Семашкам Полацка.

Публікацыі «Весніка» ў поўным аб'ёме даюць уяўленне аб навуковым і грамадска-палітычным характары дзейнасці К. Гаворскага, а таксама аб агульным стане полацказнаўства ў 60 – 70-ых гадах XIX стагоддзя. Ксенафонт Антонавіч Гаворскі – адзін з першых айчынных гісторыкаў, які пачаў сістэматычнае вывучэнне і паслядоўную актуалізацыю гістарычнага мінулага Полаччыны. «Веснік» з'яўляўся адзіным гісторыка-літаратурным часопісам, на старонках якіх полацкая гістарычная тэма з'яўлялася адной з асноўных. Нягледзячы на канфесійную ангажаванасць часопіса, у прыватнасці работ К. Гаворскага, публікацыі «Весніка» захоўваюць навуковую каштоўнасць. Дзякуючы археаграфічнай і даследчыцкай дзейнасці К. Гаворскага захаваліся каштоўны фактаграфічны матэрыял са страчаных полацкіх архіваў.

ЛІТАРАТУРА

1. Алексеев, Л.В. Археология и краеведение Беларуси XVI – 30-е годы XX в. / Л.В. Алексеев. – Минск: Беларуская навука, 1996. – С. 90 – 93.
2. Сороко, С.М. «Витебские губернские ведомости» (официальная и неофициальная часть) / С.М. Сороко. – Москва – Новополоцк : Научный центр славяно-германских исследований, 2004. – С. 67.

ЖИТЕЛИ ВИТЕБЩИНЫ И БОРЬБА ЗА НОВЫЙ СОВЕТСКИЙ БЫТ В 1920-Х гг.

*канд. ист. наук, доц. Г.Н. ЯКОВЛЕВА
(ВГУ им. П.М. Машерова, Витебск)*

Введение. В первые годы после установления советской власти происходили сложные процессы адаптации населения к новым политическим реалиям, усвоения хотя бы азов новой идеологии, усвоения новых норм жизни, стилей поведения и стратегий выживания. Кардинально менялся уклад жизни «бывших», с трудом вписывавшихся в новые реалии. Изменялся социальный статус прежних социальных низов. Партийно-государственная власть агрессивно вторгалась в традиционный уклад жизни миллионов людей. Происходившие изменения хорошо прослеживаются на региональном уровне, которые можно проанализировать на основе документов, отложившихся в Государственном архиве Витебской области.

Основная часть. Одной из первых попыток подойти к бытовым нуждам пролетариата с классовых позиций стало решение жилищного вопроса. Началась известная «война этажей» – переселение рабочего люда из подвалов на более высокие этажи, принадлежавшие до революции обеспеченным жильцам. Известно, что одним из первых решений большевиков Витебска стала национализация недвижимости в декабре 1917 года. Однако это решение пришлось отменить в апреле 1918 г. из-за неспособности властей обеспечить обслуживание жилого фонда [1, с. 172]. Городское хозяйство постепенно приходило в упадок и переживало особенно трудные времена в течение 1918 – 1921 годов. В июне 1919 года вопрос

о жилищной политике и необходимости выселения буржуазии из квартир обсуждался на заседании губкома РКП (б). Возникли споры о нормах наделения жильем, потом утверждалось, что трудно не переселить рабочих, а отапливать жилье в условиях разрухи и нехватки всего необходимого. Дискуссии вызвал вопрос о том, кого считать рабочим и как выселить «бывших», многие из которых уже «устроились в советские учреждения и к ним не подойдешь». Классовый принцип решения жилищного вопроса пришел в противоречие с производственными интересами и создавал трудности для рабочих, так как им приходилось бы из центра добираться на окраины, где располагались предприятия, на которых они работали, и где они жили ранее [2, л. 36]. Гораздо решительнее решался вопрос о выселении, когда надо было освободить помещение под партийные или советские нужды. Поиски решения жилищного вопроса нашли свое отражение в «Инструкции по переселению и уплотнению в городе Велиже», разработанной местными партийно-советскими руководителями. Инструкция предлагала выделять рабочим и советским служащим «здоровую квартиру» по возможности в центре города, «дабы она могла быть поближе к клубам, читальням, театрам, службе, а их детям к школам, которые будут располагаться в центре». Жизнь трудящихся в новых квартирах необходимо было «обставить возможно удобнее», для чего в инструкции предусматривались очень ограниченные нормы мебели и домашней обстановки, которую буржуазия, переселяясь, могла оставить себе. Все дома были разделены по качеству на четыре категории, закрывались подвалы; при переселении, чтобы рабочий люд не испытывал дискомфорта от совмещения проживания с буржуазией, надо было селить его с равными себе. Граждане должны были обеспечить в квартирах чистоту и порядок, иначе грозил штраф или выселение в худшую квартиру, а также, начиная с 18 лет, по очереди, очищать прилегающие улицы и дворы [3, л. 9, 10об., 11]. Характерно, что интеллигенция, стремясь уменьшить издержки классового решения жилищного вопроса, «самоуплотнялась» так, чтобы тоже жить с людьми своего круга, что хоть как-то гарантировало мирное сосуществование.

Характерной чертой нового советского быта была его коммунализация. Предполагалось, что рабочие будут жить в домах-общежитиях с общими яслями, столовыми, прачечными, появятся машины, которые облегчат домашний труд, и освободят время для культурного досуга и самообразования. Появилось жилье нового типа: жилище пролетариев, дом-коммуна, жилищный комбинат и т.д. В 1927 – 1929 гг. в Витебске по ул. М. Горького, д. 36/25 был построен дом-коммуна, отражавший процесс поиска как новых форм быта, так и новых архитектурных форм. Это четырехэтажное здание было первым в БССР зданием подобного типа, построенным с целью обеспечения рабочих удобным экономичным жильем. Дом был рассчитан на 280 – 300 жильцов, имел комнаты для несемейных и малосемейных рабочих. Каждая группа комнат на 18 – 24 чел. была объединена холлом для занятий и отдыха, имела кухню, туалеты. На первом этаже центральной части здания располагались общественные помещения (зал, холл, читальный зал, магазины), а в цокольном – коммунально-бытовые (душ, прачечная, сушилка) [4, с. 171].

Однако дома-коммуны так и не стали повсеместно распространенной формой жилья. Сначала ограниченные возможности государства в социальной сфере, а затем индустриальный рывок, сопровождавшийся урбанизацией и резким ростом численности рабочего класса, сорвали красивые, но утопические планы о массовом строительстве домов-коммун. На десятилетия нормой стал быт в коммуналках.

Серьезные изменения происходили в области семейно-брачных отношений, где в предшествующий период накопилось значительное количество проблем и реально существовало неравенство между мужчиной и женщиной, мужем и женой. В серии декретов советской власти провозглашалось, что дети находятся под охраной государства, предпринимались попытки облегчить положение беременных и кормящих матерей. Со временем стала создаваться гинекологическая служба и стали появляться детские сады и ясли. Уже в первые месяцы существования новой власти ВЦИК РСФСР издал ряд декретов, которые закрепили приоритет светского (гражданского) брака, т.е. брака, зарегистрированного в соответствующем государственном учреждении – ЗАГСе, без церковного обряда венчания. Официально церковный брак считался частным делом граждан и не гарантировал прав мужа и жены. Начинают распространяться браки без официальной регистрации отношений. Советское законодательство также упростило разводы и семейные переделы земель, что повлекло за собой сокращение средних размеров семьи. Появилось значительное количество матерей-одиночек. Утверждение светских браков быстрее проходило в городе и гораздо тяжелее – в деревне. Крестьянство вплоть до 30-х годов не приветствовало браков без церковного сопровождения, воспринимая их как блуд и голый разврат. Отрицательным было и отношение к разводам. И все же новые веяния охватывали горожан и крестьян. В «Песне молодухи», опубликованной в 1925 году «Крестьянской газетой», некая Алена писала: «Не хочу венчальных колец // Не пойду за мельника // Мой миленок комсомолец // А сама я – ленинка // Выйду замуж без иконы // Без богомоления // По советскому закону // За мое почтение» [5, л. 143об.]. Сельские активисты сообщали в газету о примерах «свадеб без попов» в своих деревнях.

Формирование нового советского быта шло параллельно с усвоением новой идеологии. Бытовые традиции, связанные с религиозными праздниками и старыми семейно-брачными отношениями, заменялись советскими праздниками-заместителями (красными крестинами, революционными октябринами, красными сейдерами и др.). Губком РКП (б) (с 1924 г. – окружком) с помощью партячеек, губполитпросвета, женотделов, комсомола организовывал борьбу с религиозными праздниками и религиозно-

Гісторыя

бытовымі обычаямі, а таксама праводзіў работу па ўвядзенню новых. При формировании нового быта приходилось учитывать и национальные традиции. Евреи составляли значительную часть населения Витебска. В 1925 г. их насчитывалось 39 714 человек (белорусов – 26 418, великороссов – 17 791) [6, л. 67]. Еврейские рабочие преобладали в кожевенном, швейном, строительном и печатном производстве, а в металлической, пищевой и химической отраслях процент еврейских рабочих колебался от 40 до 50 %. Они составляли 33 % всех членов профсоюзов [6, л. 72а, 73]. Еврейское население не хотело работать по субботам, праздновало иудейские праздники, соблюдало традиционные ограничения в еде, школьники не посещали уроки по праздникам. На бытовом уровне проявлялся антисемитизм. Еврейский подотдел при губотделе по делам национальностей, действовавший в 1921 – 1922 гг., вел борьбу «с клерикализмом путем выяснения вредного влияния субботнего отдыха на развитие местного хозяйства» и постепенного вытеснения хедеров [7, л. 5]. Руководство женотдела губкома РКП (б), в значительной степени состоявшее из евреек-коммунисток, стремилось максимально втянуть женщин в строительство нового быта.

Женотделы разных уровней, бытовые комиссии предприятий губернии рекомендовали родителям называть своих детей новыми советскими именами и придерживаться новых, пролетарских обрядов. В 1924 году на фабрике «Двина» состоялось общее собрание трудового коллектива в связи с проведением красных крестин. После доклада, осуждавшего старые религиозные обряды и традиции, исполнения «Интернационала», родителям новорожденной предложили назвать девочку «Лениной» в честь Ленских событий 1912 года, рекомендовали воспитывать дочку в коммунистическом духе и подарили многочисленные подарки. Малышка была зачислена в члены профсоюза текстильщиков без уплаты членских взносов до поступления на работу, получила кусок ткани для своего гардероба, ей была обещана материальная помощь на ближайшие шесть месяцев. Комсомольцы и пионеры зачислили ее в свои ряды, а женотдел выписал для молодой семьи журнал «Женщина-работница» [8, с. 5]. Бытовая комиссия совместно с ответственным организатором по работе среди женщин и секретарем ячейки КП (б)Б металлистов рассмотрев вопрос «Об октябринах», постановила подготовить клуб, организовать спектакль и оркестр, прочитать доклад о новом быте и устроить торжественное заседание по поводу октябрин. Бытовая комиссия в данном случае рекомендовала для новорожденных имя «НИНЕЛ» [9, л. 16]. Некая активистка, скрывшаяся под псевдонимом «Инокния Марфа», радовалась в написанном ею стихотворении «Октябрины»: «И младенцу кумовья // Дали имя в честь вождя // А родители собою // Горды, счастливы без меры // Юный сын их стал героем // И записан в пионеры // И как лед весною тает // От палительных лучей // Быт отживший исчезает // В пламени грядущих дней» [5, д. 332, л. 123].

В советском обществе частное и общественное все больше переплеталось. Поведение в семье, воспитание детей, взаимоотношения мужа и жены переставали быть приватным делом рабочих и крестьян. Особенно пристальным было внимание к членам партии и комсомольцам. В 1924 г. в комсомольских ячейках города «... удалось ставить отчеты отдельных комсомольцев о личной жизни и о работе». «Мы, таким образом, сумеем выявить личную жизнь каждого комсомольца», - считало местное комсомольское руководство [9, л. 31]. В том же году из городской парторганизации было исключено из партии шесть партийцев – рабочих от станка, которые были членами Ленинского призыва. Им вменялось в вину не только нежелание голосовать за решения своих бюро, но и пьянство, наличие дома икон и совершение обряда крещения [15, л. 16, 17]. У ответственных работников местного уровня проявлялись другие недостатки: они проявляли «комчванство», неуважительное отношение к беспартийным, беспардонность по отношению к прислуге, которая, как в старые времена, тут же появилась у партийных бонз.

Многие из мужчин не хотели мириться с изменением социального статуса своих жен. Партийцы неоднократно высказывались о том, что своим женам они бы не позволили работать в партии. Недовольны мужчины были и тем, что женщины вовлекались в общественную жизнь, так как из-за собраний и заседаний жены надолго отлучаются от детей и некому разогреть и подать ужин. Даже в 1926 году на собрании жен рабочих-строителей Витебска один рабочий заявил: «Пусть меня исключат из союза, но в делегатки свою жену не пушу» [10, л. 53об.]. Закономерно поэтому то, что основную массу женской части партийно-комсомольского актива составляли молодые девушки.

Одной из распространенных форм борьбы с нормами, обычаями и привычками старой традиционной жизни стали знаменитые политсуды 1920-х гг. В ходе этих судов люди разных возрастных категорий, но чаще рабочая молодежь и женщины, подвергались общественному презрению. Для боящихся людского осуждения женщин, сформировавшихся еще в дореволюционной России, эти мероприятия были чрезвычайно неприятны. Страх общественного позора в данном случае выступает в качестве мотивации активности. В Витебске зафиксированы политсуды «над вечеринкой», над еврейскими комсомольцами за приготовление мацы, «над обрядом Пасхи» и показательные политсуды над антисемитами.

Значительную роль в пропаганде черт нового быта играла печать. «Крестьянская газета» и «Заря Запада» (издания ОК КП (б) Б) публиковали материалы о правильном уходе за детьми, о чистоте жилища, сообщали на своих страницах о примерах внедрения элементов нового быта. В рубрике «К новой жизни» «Крестьянская газета» публиковала сообщения с мест о проведении красных крестин, октябрин, красных вечеринок, антирелигиозных вечеров, борьбы с пьянством. Из дер. Боровляны Высочанского района сообщалось: «Взялись энергично

наши деревенские комсомольцы за уничтожение самогонки и одновременно с этим начали устраивать красные вечеринки. На вечеринках что – сельдей в бочке» [5, л. 144]. В народном доме села Высочаны беспартийный крестьянин Г. «октябрил» своего ребенка. «Много народу собралось посмотреть, как по-советски «крестят» детей. Отвечая на приветствия партии, комсомола и других организаций, Г. сказал: «Отрекся я от богов и чертей, и к этому призываю всех граждан». Селькор М. Т-ский сообщил в газету следующее: «В деревне Мазолово новый быт постепенно завоевывает себе право. Не прошло еще года, как у нас была свадьба, трое октябрин и двое похорон и все без попа... Молодежь в церковь не ходит, и не только молодежь, но даже такие, которым лет 30 и больше». Автор констатировал, что в церковь, как правило, не ходят мужчины, но понемногу и женщины идут вслед за ними. Другой корреспондент, рассказывая об успехах местного женского движения, сокрушался: «Наши делегатки не любят, когда докладчик касается, хоть бы мимоходом, религии и бога. Пора уже понять, что бог ни на одну каплю не облегчил женской доли, что улучшить свою жизнь могут только сами женщины, тесно сплотившись вокруг своей организации» [5, л. 175об.].

Партийно-государственными инстанциями предпринимались попытки изменить традиционные формы досуга рабочих и крестьян. На местных фабриках и заводах создавались рабочие клубы с библиотеками, хоровами, драматическими, художественными кружками. Стало более доступным кино. Летом 1924 года в Витебске был торжественно открыт рабочий сад, где летними вечерами и в выходные дни можно было провести свободное время. В деревнях и местечках появились избы-читальни, народные дома. Однако рабочие и крестьяне руководствовались прежними представлениями о том, что есть труд, и что есть отдых. Многие мероприятия, проводимые в клубах, сопровождались традиционными возлияниями, выяснениями отношений на кулаках. Вместо скучных лекций на политические или научные темы молодежь хотела традиционных, но так не любимых властями «танцулек». Появились общегородская комиссия по борьбе с танцами, от клубов требовали не танцев, а реальной кружковой работы, организации культурного досуга пролетарских масс города [14, л. 22]. Однако реальная и каждодневная жизнь рабочих окраин и слобод мало изменилась. Нередко здесь по-прежнему процветали преступность, хулиганство, алкоголизм и проституция.

На борьбу со старым бытом население страны мобилизовали различные советские учреждения. Общество по борьбе с неграмотностью учило граждан читать, Общество воинствующих безбожников внедряло в массовое сознание атеизм. Дома санитарного просвещения и ячейки Красного Креста прививали рабочим и крестьянам санитарно-гигиенические навыки, боролись с антисанитарией.

Включилась в процессы формирования новых социальных норм и правил поведения и школа. Деятельность советской школы и педагогов в этом направлении была неоднозначной. Под прямым воздействием западных теорий и практики возник гигиенический уклон в воспитании детей (строгое соблюдение чистоты наряду с эмоциональной сдержанностью, а также скрупулезное наблюдение за физическим и умственным состоянием ребенка). Как на Западе, так и в Советской России складывается новый идеал ребенка – энергичного, эмоционально независимого, инициативного. Культивируются такие качества как физическое здоровье, опрятность, решительность, трудолюбие. Одежда пионеров 1920-х гг. удивительным образом по форме и стилю совпадала с «рациональной одеждой» в британской детской культуре этого же времени. Советские девочки, также как и их британские сверстницы, отвергали бантики, брошечки, рюши, воланы, пытались избавиться от слезливости, сентиментальности и игры в куклы. Как отмечает К. Келли: «Приезжающие в СССР журналисты, педагоги и медики, как ни тревожила их практиковавшаяся там, но их мнению, «киндоктринация» детей, в целом горячо одобряли усилия Советского государства по преобразованию традиционной системы их воспитания. Критике подвергался не характер гигиенического идеала, а его неполное осуществление на практике» [11, с. 399 – 400].

Наблюдавшаяся тенденция к усилению «мальчишеских» черт в одежде и манерах советских девочек, проникавшая в детскую культуру под влиянием школы и пионерского движения, закреплялась достаточно сложно. Многие девочки и их родители противились происходившей унификации. Раздельное обучение мальчиков и девочек в дореволюционной России, строгие гендерные стереотипы поведения и внешнего вида в предшествующий период сдерживали быстрое насаждение новых бытовых практик и манер поведения. Так, в 1925 г. руководителей Витебского окружного отдела народного образования беспокоила сохранявшаяся в школах города «отделяемость мальчиков и девочек». В «Плане проведения Международного дня работниц в школах семилетки» предлагалось провести с 4 по 7 марта 1925 г. конкурс на лучший класс данной школы, «больше всего изживший отделяемость мальчиков от девочек». В устных газетах в юмористическом духе отметить отдельных учащихся или отдельные классы, придерживающиеся отделяемости и прочих «буржуазно-мещанских взглядов на женщину». Особая комиссия должна была выявить лучший класс на основе следующих критериев: «Лучшим классом считается тот, в котором меньше всего мальчиков и девочек, отделяющихся друг от друга. В котором больше всего девочек втянуто в общественную работу, в котором меньше всего девочек, сохранивших привычки «барышень» [12, л. 20].

В реальности наблюдались серьезные трудности и с внедрением правил гигиены, и культы физической культуры и мужественности. Только самые прогрессивные родители, знакомые с трудами педагогов, рационально выстраивали систему воспитания своих детей, отказывались от использования физических наказаний и так называемого «сюсюканья». Попытки же школы вести борьбу за привитие правил

Гісторыя

гигиены, здороваго образа жыцця часта сталківаліся з жэстокамі рэаліямі жыцця дзяцей із заводскіх раёнаў і вековых традыцый быта крэстьянскіх сямей.

Протокалы засяданняў школьных Саветаў Віцебскага акруга за 1927 г. поўны констатацый о том, што дзеці не просвешчаны ў плане санітарыі і гігіены, не снімаюць шапок у класах, куряць у школе, мацярыся [13, л. 309 об.]. Заўважваючы дзясятой школай-семілеткай вынуждены быць прызнаць, што ўчнік трэцяга класа П. «...ведзе сябе возмутельна, рассылае запіскі з нецензурнымі словамі, дерэцца. Мыслі безнравственыя, паняцця развращеныя, обіжае кожнага, уничтожае чужое – тыпічны прыклад дэфектыўнага рэбенка» [13, л. 37 об.].

У сьвядомасці і паводзінах падрастаючага пакалення «впечатываліся» новыя жыццёвыя прыярытэты і каштоўнасці, нормы паводзінаў у школе, сям'е, на вуліцы. Школа іграла важную ролю ў вытэсненні рэлігійнага сьвядомасці і прывіцці новых паводзінаскіх нормаў. У 1924 г. Окрано рэкамендаваў правесці антыпасхальную кампанію па ўсім школам Віцебскага акруга [14, л. 1 об.]. Піянеры ўдзельнічалі ў правядзенні антырэлігійных акцый, становіліся членамі кружкаў безбожнікаў, выпускалі сценныя газеты саотвешчваючага зместа. Велася масавая раз'ясніцельная работа сярод еўрэйскіх школьнікаў, не пасещавшых урокаў па еўрэйскім празднікам. Постепенна вытэсняліся хедеры. Удзялялось б'ольшое ўважанне стварэнню саветскіх школ для еўрэйскіх дзяцей, учыцеляў для корых гатоваў Еўрэйскі педагогічэскі тэхнікум. Радікальная пазыцыя дзяцей па адношэнню к рэлігій і царквы, фарміруемая ў школе і ў піянерскіх атрадах, вызывала многіхлісленныя канфлікты ў сям'е, асабена ў сельскай мясцінасці.

У 1920-е гг. бытавое і ідэалагічэскае переплеталось дастаточна часта. Пролетарскі інтэрнацыяналізм, прапаведуемы ў саветскім абаществе, ў том лісле і школе, прадпалагал класавую салідарнасць і жапанне пачыць не толькі народам Кітая, дзяцям Германіі, рабочым Польшы, но і уважательныя і тэрпимыя адношэння ў сваёй, саветскай сярэде. Дзеці вовлекаліся ў акцыі міжнароднай салідарнасці, сабіралі дэньгі для атрапавкі іх бастуюшым горнякам Англіі ў 1926 гаду. Вносілі сваё ўклад ў сабор сярэдстваў на самалет «Наш атравет Чэмпберлену», слухалі даклады о палажэнні дзяцей ў капіталістычэскіх сярэнах і зарождэнні там дэцкага дывіжэння, но пры гэтом праявлялі нетэрпимое адношэнне к сваім саседаў і аднокласнікаў. У Віцебске, дзе значительную частку насельніцтва складалі еўрэй, набаўдаўся бытавой антысемітызм, асабена распастранены ў Марковшчыне. Заўважваючы сьдэьмой школай-семілеткай неаднократно дакладываў ў атрад народнага абащаванья о многіхлісленных нападэннях ўчыцеляў школы воднікаў на дзяцей із трэцяга еўрэйскага класа яго школы [13, л. 334]. У дэкабры 1928 гада заметка о сьдэьмой школе п'явілася дадэ ў газеце «Заря Запада». Учыцеляў школы воднікаў умудраляліся дадэ ў школу прыходіць с ножаў. Улічэнае хуліганства было настаячым бедствам Марковшчыны. Падрасткаў гэтай раёна безнаказанна тэрарызавалі дзяцей, і падчас, дадэ взраслых, о чэь несаколько раз гаворылось на засяданнях і сабрааньях рабочых арганізацый Марковшчыны. Коміссія, ізучавшая сітуацыю ў школе, прызнала, што во ўсех класах семілеткі прадводілось інтэрнацыянальнае вавасцітанне, но ўрэвень жыцця ў Марковшчыне, антысемітыскія настраанья радыцеляў аказывалі атрацательнае ўважанне на дзяцей [13, л. 362].

О сакольной сітуацыі ў школах сьвядетельствавала і прадводімая ў канцы 1928 гада кампанія па бараьбе с акаголізмам. Во ўсех школах горада прадводілось абащы сабраанья ўчыцеляў 4 – 7-х класоў с заслушываннем дакладаў «О вреде акаголізма», «Культурная рэвалюцыя і бараьба за здороўны быт», арганізавывалісь абащы-школьныя ячыкы па бараьбе с п'яньствам, абащы «Долаў акаголізм» [13, л. 313, 314, 317 об.].

Сітуацыя ў школе, ўважанне ёе на паводзінах дзяцей, фарміраванне новага саветскага быта во многам завісело і от самах педагогаў. Атрадэленая частку із іх, несомненна, была увлечена стравіцельствам новай жыцця, пафосом стравіцанья новага каллектывістыскага чалавекана. Ізучала то новае, што п'явілось ў педагогічэскай науке ў СССР, і акасперыментіравала сама, раскраспаша ініцыятыву дзяцей. Но значительная частку ўчыцеляў, асабена старой, дорэвалюцыянаў закала і вавасцітанья, не вавоспрімала наващств саветскай школы, не прэвращалась ў педагогаў-абащыцвеннікаў і формально адносілась к выпаўненню новых трэбаўаньяў і устаноўк. У адном із дакументаў 1924 г. ўтвэрдэдалось, што ўчыцеляў дружат с папамі, «бажатыся» ХІІІ сьздэьдом, неіскрэнны і не хотят займацца абащытвеннаў работаў [15, л. 10 об.]. А латышскія б'ольшэвікы, прадвэраўшы работу Потаашнінскай латышскай школы, былі паражэны тем фактам, што адін із ўчыцеляў не вавідел разніцы міжду «Дэцкаў болазнью лэвізны ў каммунізме» і венерічэскаў болазнью ў каммунізме [16, л. 388].

Заклучэньне. Сумміруя вышэсказаннае, мажно сдэлаць слядуючыя ваводы.

Во-пэьрых, неважно атрадэліць працэс ўтвэрдэнья новага саветскага быта от палітычэскай саціалізацыі насельніцтва сярэна. Бытавое паводзінах людэў выстраіваўсь па класавому прынцыпу. Абащы прыватнага сужалась. Новыя ідэалагічэскія прынцыпы вавторгалісь ў частную жыцця.

Во-втораьх, сэр'езныя ізмэнаьня прадходілі ў сфэре брачно-сэмейных адношэньяў. С адной сярэны, ураўнэньне ў правах жанцын і мужчынаў, абащычэньне працытыкі развадоў і сэмейных раздэлаў, п'япыткы атраваць жанцын «от пэчы і кочэргы» ў атрадэленнаў стэпені носілі паложыцельнаў характар і ўкладывалісь ў русло працэсаў мадэрнізацыі, прадходывшых ў міре. С другой сярэны, рэзка ўвэлічылось ліслэ гэтых развадоў, п'явілось б'ольшэе к'ячэство маатэрь-адіночэк, прадзошла атрадэленная «прымітывізацыя» адношэньяў міжду мужчынаў і жанцынаў.

Во-трэцяьх, агагрэсывнае навацьыванне новых ідэяно-палітычэскіх і мааральных каштоўнасцяў, стравіцельне разрушыць многыя чэьты старога быта, пранізанага рэлігійнасьцю і патрыархальнасьцю, вызывало сакрытае

или явное сопротивление части населения. Традиции социальных отношений, ценностные ориентации и психологические установки людей сопротивлялись навязываемым нормам. С трудом ломались гендерные стереотипы, многие женщины не желали, а значительная часть мужчин, даже партийцев, не была готова смириться с вторжением общественного контроля в их семейно-бытовую жизнь. Труднее приживались новая идеология, социально-экономические реалии и бытовые практики среди крестьян.

Вытеснение религиозно-бытовых традиций в жизни людей происходило через навязывание праздников-заместителей и новых революционных ритуалов, празднеств, мифологем.

В-четвертых, значительную роль в формировании у молодого поколения нового отношения к жизни, себе и обществу играла советская школа. Пропитываясь новой идеологией, она способствовала внедрению в сознание, жизнь и быт детей новых политических, нравственно-бытовых, поведенческих норм и ценностей. Однако идеальная модель воспитуемого нового советского человека сталкивалась с реалиями жизни, корректировавшими идеал.

В-пятых, некоторые черты формируемых у детей бытовых навыков совпадали с исканиями прогрессивных педагогов и публицистов начала XX века. Движение за «свободное воспитание», отрицание физического наказания детей, практика нового ухода за ними получила официальную поддержку государства, а «мальчишеский» стиль поведения и отношений стал распространенным среди детей во всех детских учреждениях. В 1920-е гг. приветствовалась инициатива, самостоятельность в поведении детей, огромную роль в жизни и быту играл коллективизм.

В-шестых, решающую роль в трансформации быта, изменении отношений в семье играли партийные органы. Партийно-комсомольский актив активнее реагировал на новые установки в сфере быта и семьи. Молодежь легче усваивала новые поведенческие установки. Однако, многие черты в морально-бытовом поведении населения, в том числе и детей, оставались традиционными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красная быль. Большевики в Витебске: Сб. статей, воспоминаний и материалов / под ред. С. Крылова. – Витебск, 1923. – 234 с.
2. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Фонд 10051. – Оп. 1. – Д. 24. Протоколы заседаний секретариата окружкома КП (б) Б.
3. ГАВО. – Фонд 2262. – Оп. 1. – Д. 87. Т. 2. Протоколы ревкома и его отделов Велижского уезда.
4. Дом-коммуна // Витебск: Энцикл. справ. / Белорус. Сов. Энцикл.; Редкол.: И.П. Шамякин (гл. ред.) и др. – Минск: БелСЭ, 1988. – 408 с.
5. ГАВО. – Фонд 170. – Оп. 1. – Д. 434. Программы вечеров, афиши, памятки, листовки, объявления культурно-просветительных учреждений. 6 марта 1924 г. – 20 апреля 1925 г.
6. ГАВО. – Фонд 10051-п. – Оп. 1. – Д. 318. Квартальные отчеты о работе окружкома, окрисполкома и его отделов за III квартал. 07.1925 – 09.1925.
7. ГАВО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 185. Протоколы заседаний и отчеты о работе Витгубнаца за 1922 г.
8. Карпекін, К. «...Даць нованароджанай імя Леніна!» / К. Карпекін // Народнае слова. – 2009. – 25 жн. – С. 5.
9. ГАВО. – Фонд 10051-п. – Оп. 1. – Д. 178. Протоколы собраний ячеек металлистов КПБ. 1924 г.
10. ГАВО. – Фонд 2289. – Оп. 1. – Д. 1066. «Заря Запада», 1926 г., Т. 3 (IX – XII)
11. Келли, К. «Хочу быть трактористкой!» (Гендер и детство в довоенной советской России) / К. Келли // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. – Москва: РОССПЭН, 2003. – С. 385 – 410.
12. ГАВО. – Фонд 170. – Оп. 1. – Д. 110. Постановления, циркуляры Наркомпроса БССР и окроно об окончании учебного года, переводных коллоквиумах, о взыскании платы за обучение в школах БССР, протоколы заседаний инспектуры, ответработников и коллегии окроно. 10 января – 24 декабря 1925 г.
13. ГАВО. – Фонд 170. – Оп. 1. – Д. 164. Т. 2 Протоколы заседаний школьных советов школ округа, совещания окружных инспекторов БССР, план проведения «Недели Обороны по округу в 1928 году».
14. ГАВО. – Фонд 170. – Оп. 1. – Д. 332. Протоколы заседаний коллегии окроно, совещания ответственных работников окроно от 8 мая 1924 г., протоколы отдела агитации и пропаганды угорревкома КПБ.
15. ГАВО. – Фонд 10051-п. – Оп. 1. – Д. 15. Протоколы I окружной партконференции и материалы к ней. 06. – 10.12.1924 года.
16. ГАВО. – Фонд 10051-п. – Оп. 1. – Д. 434. Протоколы заседаний бюро национальных секций, заседаний коллегии агитпропотдела, совещаний руководителей городских делегатских собраний. 22.12.1925 – 01.11.1926 г.